

Борис
Крижопольский

A photograph showing four people from behind, walking away on a wide, dusty path in a desert landscape. The path is light-colored and stretches into the distance. The people are dressed in casual, outdoor-style clothing. The person on the far left is a woman with a black backpack. The person next to her is wearing a dark vest and has a large coil of rope or gear on their back. The person in the middle is wearing a black t-shirt and a backpack. The person on the far right is wearing a red and white baseball-style shirt and dark pants, carrying a water bottle. The background consists of low, sandy hills under a clear, bright blue sky. Long shadows are cast on the ground, indicating it is either early morning or late afternoon.

**СОЛНЦЕ,
ТЕНЬ, ПЫЛЬ**

Борис Крижопольский

Солнце, тень, пыль

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25021830

Солнце, тень, пыль / Борис Крижопольский: Книга-Сефер; Тель-Авив;

2017

ISBN 978-965-7288-32-0

Аннотация

Новеллы и повести израильского писателя Бориса Крижопольского рассказывают, казалось бы, об обычных вещах – о жизни и смерти, любви и дружбе... Но его герои – молодые израильтяне, солдаты Армии Оборона Израиля. И даже когда на них нет выгоревшей на палящем солнце и промытой пронизывающими ливнями формы, когда не носят они полную «разгрузку», оружие, боеприпасы, они все равно – солдаты, резервисты, милуимники... Герои и жертвы войны, которую стыдливо называют «конфликтом». Противостояния, выход из которого возможен?

Содержание

Приказ номер восемь	5
Клаузевиц	8
Сезам	12
Базилик	16
Голос над Гангом	24
Двор чудес	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Крижопольский

Солнце, тень, пыль

«...это одновременное и параллельное существование таких разных миров и это нестерпимое разнообразие ощущений, которых никакая сила воображения не может соединить в одно»

Г.Газданов

יקסלופו' זירק סירוב

לצ, שמש,

קבא...

Издательство Книга Сефер

<https://www.kniga-sefer.com/>

<https://www.facebook.com/KnigaSefer>

book@kniga-sefer.com

kniga@kniga-sefer.com

Приказ номер восемь

Когда раздался звонок, я был готов. Он уже существовал некоторое время, этот звонок – до того, как материализовался звуком в трубке телефонного аппарата. Он носился в воздухе, излучался с телевизионных экранов, читался между газетных строк.

«Приказ номер восемь» – этим безликим словосочетанием обозначается экстренный призыв резервистов. Страна перманентно ведет те или иные боевые действия, но пока воюют срочники – это рутина. Призыв резервистов означает войну. Слово «война», как грозный Тетраграмматон – не произносится вслух. «Приказ номер восемь» просто эвфемизм, заместительное название той безликой и неумолимой силы, которая, как вихрь, подхватывает нас, вырывает из привычных условий жизни и бросает в неизвестность.

Я, уже в форме, но еще без оружия, усаживаюсь на заднее сиденье автобуса. Позади – спешка сборов, впереди – неизвестность. А пока я в дороге, у меня есть еще пару часов относительной свободы, и я стараюсь разобраться в своих ощущениях. Дорога, вообще, располагает к размышлениям.

Идет дождь. В такую погоду сидеть бы дома с хорошей книгой и стаканом чая, и, глядя в окно, радоваться теплу и уюту. Дробный стук по крыше и стенкам автобуса то учащается, превращаясь в сплошной гул, то замедляется, распа-

даясь на отдельные удары. И тогда, сквозь залитое струями стекло, становится видно море. Море, сопровождающее все мои уходы и возвращения. Сейчас оно сумрачное, недоброго свинцового цвета. Волны дыбятся и тяжело обрушиваются на берег. Тяжелое небо низко нависает над холодной колышущейся массой.

Значит – война. «Война это царство неизвестности» – этот афоризм Клаузевица любили повторять на курсе командиров. Вот мне казалось, что я хозяин сам себе и своей жизни, а всего лишь один телефонный звонок перебросил меня в это самое царство неизвестности.

Я ухожу на войну... Пришел мой черед приобщиться этого, древнего, как мир, опыта. С каким чувством расстаются с близкими, с теми, кто всего дороже, с детьми, уходя на войну? Зная, что возможно расстаются навсегда. Теперь мне предстоит узнать это. Но разве человек может что-нибудь знать? Разве расставаясь в обычных условиях можно быть уверенным, что это не навсегда? Война только заостряет, обнажает то, что скрыто. Наверное, именно так – только так можно ощутить связь времен, ту невидимую, неосязаемую цепь, которая тянется к нам из глуби времен, соединяя нас с бесчисленными поколениями людей живших, чувствовавших, страдавших до нас. Только так – испытывая те же чувства, в тех же, вечно повторяющихся обстоятельствах, когда искусственные интересы, движущие нами в повседневной жизни, отпадают как короста, и нам предстоит жизнь в

своей обнаженности: роды и война, жизнь и смерть.

Клаузевиц

– В чем главная цель войны?

Вопрос вылетел и повис в неподвижном, сонном воздухе класса.

Вот так нужно начинать: резко, хлётко, с ходу завладев вниманием. Не описательной фразой, предполагающей пассивное слушание, а вопросом, требующем ответа. Керен, руководитель курсов пехотных специальностей, хорошо знала свою работу. Знала, как расшевелить сонное стадо, эту апатичную гору молодого здорового мяса, доведенного физическими нагрузками и постоянным недосыпанием до того состояния, когда сонный рефлекс срабатывает сразу, как только прекращаются внешние раздражители.

Она обвела глазами класс – пёструю солянку из представителей разных пехотных частей, от задерганных салаг до опытных солдат. Среди общей массы выделялись десантники, ждущие отправки в Южный Ливан – этих нужно держать на коротком поводке, иначе сядут на голову. У Керен был огромный опыт, и она уверенно вела урок.

– Итак, в чем цель войны?

– Победить, – это высокий десантник с лошадиным лицом, сидевший развалиясь, положив перед собой огромные красные руки, в которых иголкой выглядела авторучка, соизволил просветить присутствующих. – Хорошо! Еще.

– Защитить? – желтошей, круглоголовый цыпленок, опасноливо, после авторитета.

– Еще!

Похоже, идей больше нет. И на том спасибо. Пора начинать.

– Убивать! – резкий, поставленный голос спугнул дремотную лень жаркого дня. Керен ободряюще улыбнулась, – Да, не надо бояться этого слова. На войне убивают. Цель войны – уничтожить живую силу противника, – говоря, она обводила глазами аудиторию, стараясь захватывать всех в поле зрения, обращаться ко всем.

Невысокий, плотно сбитый десантник, молча сидевший в углу, привлек ее внимание. Он не был похож на своих друзей, снисходительно учивших жизни курсантов, держал себя очень серьезно и по большей части молчал. Сейчас он очень внимательно смотрел на нее и Керен сбилась, пораженная выражением его лица, но тут же поправилась:

– Война это царство неизвестности, – так сказал немецкий теоретик Клаузевиц...

«Клаузевиц, значит. Царство неизвестности. Теоретики хреновы. Одни изучают, другие преподают, а третьи живут в этом «царстве неизвестности», и в один прекрасный день их размазывает по холодному бетону, как Дрора. И ты соскребаешь со стенки эту липкую тошнотворную массу, которая так недавно была твоим другом, и стараешься не дышать, чтобы не слышать этот запах, но уже знаешь, что запомнишь

его на всю жизнь. И каждый раз, как дымок от мангала донесет запах жарящегося мяса...»

Яир с трудом дождался перерыва. Курсанты, чей день был расписан по минутам, побежали строиться, а он, наслаждаясь свободой, сел на скамейку, позади столовой, и закурил.

«Убивать»... С такой легкостью говорить об этом может только тот, кому не грозит самому быть убитым. На протяжении всего курса, его удивляла та легкость, с которой милые девушки, с правильно поставленной речью, рассказывали о типах мин: осколочных, зажигательных, осветительных, дымовых, о видах взрывателей, и с особенной гордостью круглолицая Ноа, объясняла действие отсроченного взрывателя: взрыв происходит не в момент соприкосновения с поверхностью, как обычно, а спустя три секунды – такие мины применяются против противника, засевшего в помещении. Мина проходит сквозь крышу и только потом, попав внутрь... – улыбалась Ноа, округляя пухлые губки.

«Может это элементарный недостаток воображения? Без воображения, пожалуй, лучше. Проще. Лучше не думать. Но я не могу не думать».

Затушив окурочок, он еще некоторое время сидел глядя туда, где за колючей проволокой, ограждающей базу, замерла в тяжелой неподвижности пустыня, простиравшаяся на километры и километры, вплоть до суровых гор Иудеи. А дальше – за салатовой зеленью Изреельской долины, за цветущими холмами Галилеи, начинался Ливан, угрожающий и ма-

нящий. И неизбежный.

Сезам

Ночь. Электронный забор, отделяющий Израиль от Ливана. Нам по девятнадцать лет, мы восемь месяцев в армии, и мы впервые в жизни выходим на боевое задание. «Раз, два...» – на счет «три» мы одновременно взводим затвор, и один за другим проходим через ворота – на ту сторону. Наше первое путешествие в царство мёртвых. С негромким сытым лязгом ворота за нами захлопываются. Мы в Ливане.

Один за другим мы ныряем в ночь, и она смыкается над нами. Ливанская ночь, с присущими только ей запахами и звуками. Пройдет всего пара месяцев, и воспоминание об этой «детской» прогулке – 500 метров за забор, вызовет у нас пренебрежительную усмешку, но сейчас нам кажется, что опасность таится за каждым угадываемым в темноте кустом. Чувства обострены до предела. Мы уходим все дальше и дальше, и вот уже сам процесс движения захватывает нас. Мы поглощены своей работой: соблюдать дистанцию от идущего впереди, не слишком маленькую, чтобы не скучиваться и не представлять удобную мишень, но и не слишком большую, чтобы не потерять из вида. Не терять связи с тем, кто идет сзади. Передавать сигналы. Идущий впереди остановился – останавливаешься и ты. Он присел – присаживаешься ты. Поднял руку: внимание! – ты поднимаешь свою (тыльная сторона ладони, как и лицо, покрыта темной крас-

кой, а внутренняя остается белой – ей ты сигнализируешь в темноте), убеждаешься, что идущий сзади увидел. Левая рука в воздухе, правая – на рукояти оружия, дуло сопровождает взгляд. Идущий впереди поднимается, мы продолжаем движение.

Удобнее всего передвигаться по вади – сухим руслам ручьев. Это знают обе стороны, поэтому именно там нас будет ждать взрывчатка или засада. Поэтому мы идем там, где идти неудобно – поперек естественной топографии, пересекая холмы и вади, поднимаясь и спускаясь, и поднимаясь вновь. Партизанская война – война с противником-невидимкой, похожа на шахматную игру вслепую, ставка в которой – жизнь, и выигрывает тот, кто сумеет просчитать на ход дальше.

Когда мы идем в гору, силуэт идущего впереди исчезает, сливаясь с темным фоном холма, и я прибавляю шаг, чтоб не потерять его. Потом подъем заканчивается, и силуэт в каске снова вырисовывается на темносером фоне неба.

После особенно крутого подъема мы огибаем гребень холма и под нами вспыхивают мириады огней. Это деревня, укрытая в долине между склонами двух холмов. Скопление огней, неожиданно вынырнувших из темноты, так контрастирует с предшествующим осторожным ночным движением, с его тишиной, крадучестью, напряжением, что на мгновение перестаешь быть солдатом и чувствуешь себя персонажем «Тысячи и одной ночи», перед которым джинн, пови-

нуясь волшебному слову «сезам», раздвинул темные холмы, и позволил увидеть сердце Ливана укрытое от посторонних глаз. Деревня, живет какой-то своей, неведомой нам жизнью, и мы, невидимые, проходим над ней, в темноте.

Мы останавливаемся и располагаемся на склоне холма, над вади, выходящем из долины. Это наша сегодняшняя цель. Сердце замедляет ритм, успокаивается дыхание, и мы вслушиваемся в тишину, наполненную стрекотом цикад и перекличкой ночных птиц.

Мы сидим в самой утробе Ночи, укрытые ее крылом. Она окружает нас – непроглядная, обманчиво спокойная. Что-то происходит в темноте, и ты вглядываешься, вслушиваешься в ночь. Все цивилизованное, одомашненное давно спит. Дикое выходит на охоту. И просыпается дикое в тебе: первобытные силы, инстинкт охотника – учуять острый запах зверя, прежде чем он учует тебя. Ты чувствуешь себя звеном в цепи, тянущейся из глуби веков, от начала дней, от крома-ньонцев, через охотников и воинов всех времен и народов к тебе, к этой ночи, в которой ты, также, как многие до тебя, сжимаешь оружие, в ожидании встречи.

Спустя несколько часов мы поднимаемся в абсолютной тишине, и проделаем весь путь в обратном направлении, снова пройдя над заколдованной деревней, в которой уже не будут гореть огни, и до нас донесется только отдаленный лай собак. Но что-то от этой ночи навсегда останется в нас – сознание того, что дремлет под спудом в каждом, и пробуждается, ко-

гда приходит время. А еще – то ощущение чуда, длившееся всего мгновение, достаточное, чтобы произнести волшебное слово: сезам, сим-сим, сум-сум, пряное кунжутное зерно...

Базилик

Базилик... Тот ассоциативный ряд, который вызывает у меня это слово: грязь, холод, скука, грязь, товарищество, бетон, металл, запахи мокрой земли и солярки – не имеет ничего общего с тем, что энциклопедия определяет как *Базилік душиістый*, (*Ocimum basilicum*).

Базилік – вид однолетнего травянистого растения. Требователен к теплу, свету, влаге и почве.

Многие укрепленные пункты в Южном Ливане носили названия, заимствованные из мира растений. Здесь были и Шафран, и Миндаль, и Гвоздика, и даже Тыква. Несоответствие между этими цветущими именами и носившими их грубыми сооружениями из земли и бетона, внутри которых десятки солдат проводили дни в непрерывном напряжении, исходя тоской, скукой и страхом, заключало в себе какую-то жестокую иронию.

«Миндаль обстрелян ракетами», «Двое раненых в Гвоздике».

«Базилик *требователен к теплу, свету, влаге и почве*»

Базилик был наиболее удаленным от израильской границы блокпостом. Мы провели там четыре бесконечных месяца в конце осени и зиму. Ливанская зима суровой, чем та,

к которой мы привыкли, а эта выдалась особенно холодной. Бетонные стены бункера, в котором мы жили, промёрзли насквозь, и трудно было представить, что в мире существует что-то еще, кроме промозглого мирка внутри этих стен и бесконечного дождя за ними. Дождь методично превращал землю в липкую жирную грязь. В этой грязи мы иногда лежали, ночами, на перекрестке каких-нибудь вад. Эта грязь килограммами налипала на наши подошвы, и избавиться от нее можно было только дав ей подсохнуть, а затем срезав ножом.

Однажды утром, переходя из одного, серого и сырого, бункера в другой, из того, где мы спали – в тот, где мы ели, мы застыли на пороге, не узнавая окружающий мир. Привычное липкое месиво, покрывавшее двор, исчезло под густым слоем пушистого снега. Знакомые до тошноты холмы, овраги, вад, серая россыпь домов близкой деревни – всё то, что мы называли безликим словом «местность», отчуждённое, таящее опасность, каждодневно изучаемое на кодовых картах, наблюдаемое с дозорных пунктов – радостно белело и искрилось под солнцем. И снег всё еще падал, снежинки опускались, медленно кружась в прозрачном, пронизанном солнцем воздухе.

И, забыв о еде и о пулях, закинув за спину автоматы, в расстегнутых бронежилетах и сбившихся на бок касках, мы полезли на наружную насыпь, отделявшую нас от мира, и, набирая полные горсти снега, стали бросать им друг в друга. Мы

больше не были солдатами. Мы снова стали детьми. Заснув в маленьком укрепленном пункте в Южном Ливане, среди бетонных стен, комьев грязи и запаха солянки, мы проснулись в белой искрящейся сказке. И не было больше войны, не было дежурств, засад и миномётных обстрелов, не было боли, усталости и страха, не было даже тоски по дому. Был только снег, радостно блестящий под солнцем, и безмятежная голубизна над нами. Как будто не мог раздаться в любое мгновение свист снаряда, переходящий в короткий оглушающий взрыв, мешающий снег с кровавой кашей. Как будто мир должен был жить теперь по иным законам.

А несколько часов спустя, когда солнце, перевалив зенит, начало опускаться в сторону Сидона, нам передали, что Арамте – соседний с нами укрепленный пункт ЦАДАЛЯ, атакован ракетами.

Под базилик отводят хорошо дренированные, почвы, тщательно заправленные органическими удобрениями.

В комнату стремительно и порывисто, как всё, что он делает, входит Зеэви, командир первого взвода.

– А я тебя везде ищу. Кто-то сказал мне, что ты на дежурстве, – я чувствую на плече его длинные, цепкие пальцы, – Обстреляли Арамте, ты уже, наверное, слышал. Есть раненый, его везут сюда. Мы должны прикрыть колонну. Быстро

собирайся и зови своего второго номера. Я жду вас снаружи.

Так же стремительно, как вошёл, Зеэви уходит. Я встаю. Собираться недолго – мы не снимаем ни одежды, ни ботинок. Надеваю бронезилет, застегиваю каску. Подхватив автомат, я зову напарника и спешу к выходу.

Мы шуримся, как кроты, от яркого, отражённого сверкающим снегом света. Бегом пересекаем открытое пространство. Под ногами, с каждым шагом плотно, весело скрипит снег. Я не могу избавиться от чувства, будто играю в какую-то игру, до такой степени несовместим этот яркий морозный день с привычной солдатской работой.

Поднимаемся на насыпь. Зеэви стоит внизу, в траншее – оттуда видны его голова и руки с биноклем. Он показывает куда стрелять. Стрелять!? Высота, прицел, миномётный огонь – какое все это имеет отношение к окружающей нас зимней сказке? Всё это принадлежит той, прошлой жизни... Мы вкапываем основание миномёта, словно исполняя привычный обряд, в смысл которого уже не веришь. Мёрзлая земля тверда, как камень, и мы остервенело долбим её сапёрными лопатками.

– Ну! Долго ещё? – Зеэви заметно нервничает.

– Сейчас... Ч-чёрт!

Перчаток мы, в спешке, не взяли. Пальцы примерзают к ледяному металлу. Наконец, этот чёртов миномёт установлен. Наводим его на нужную высоту и готовим первый снаряд.

– Приготовиться! Огонь! – я отворачиваюсь, пригибая голову. Привычный короткий взрыв, отдающий в ухо тычком иголки – и снаряд вылетает, как пробка из бутылки. Мы смотрим ему вслед. Взрыва падения не слышно – только на нетронутом снегу бесшумно распускается крохотный чёрный цветок.

– Правее и ближе!

Мы исправляем и выпускаем, один за другим, ещё три.

– Всё равно мимо, но уже нет времени. Возвращаемся! Быстро!

С чувством облегчения, мы спускаемся.

У входа в бункер, переминаясь с ноги на ногу, жмутся несколько арабов в израильской форме, с одинаковыми черноусыми лицами. На грязном вытоптанном снегу желтеют смятые окурки. Смущенно и как-то затравленно взглядывая на нас, они расступаются, и мы проходим мимо них в «Свадебный зал» – центральное помещение жилого бункера.

После яркой морозной белизны – полутьма, сырость промёрзших стен, приглушённый гул голосов. Слева от входа какое-то суетливое движение, большие жёлтые подошвы ног кого-то, лежащего навзничь на деревянном столе. Мне не хочется смотреть туда, но, помимо моей воли, этот стол, неестественно неподвижные ступни на нем, притягивают взгляд. Вопреки ожиданиям, ничего страшного я не вижу. Раненый раздет: ноги, живот, грудь – всё цело. Доктор лихорадочно делает что-то с его головой...

Зал полон людей. Висит приглушённый гул голосов. Кто-то громко засмеялся. Чувствуется, что человек, борющийся сейчас со смертью в углу зала, чужой для всех здесь, кроме тех нескольких, жмущихся у входа. Только они знают цвет его глаз и имена его детей. Для остальных он – безликое тело, безвольно распяленное на кухонном столе.

Раненого увозят. Первая помощь оказана, теперь его надо поскорее доставить в больницу. Стол уносят. На полу остаётся лужица крови, в которой плавает что-то желтовато-белое.

Машина, приехавшая забрать раненого, привезла нам почту. Взяв свежую газету, захожу в нашу комнату с тремя шаткими трёхэтажными кроватями, похожими на пчелиные соты. Вешаю автомат на крючок у входа и забираюсь на третий этаж. Потолок – на расстоянии вытянутой руки от лица, на стенах – красно-белые флаги, плакаты моделей в купальниках – напоминание о большом мире, наверное, ещё существующем где-то. Разворачиваю газету: открытие карнавала в Венеции. На фотографии мужчина и женщина в костюмах домино жеманно склонились друг к другу лицами в причудливых масках, на заднем плане гондольер в средневековом костюме стоит на изогнутом носу гондолы. Быстро пролистываю дальше: «Кризис среднего возраста, и как с ним бороться», «Хаим Ревиво, которого вы не знали», «Как избавиться от лишнего веса, не прибегая к диете». Всё это бесконечно далеко от меня. Глаза мои начинают слипаться, я смотрю на Сэнди Бар, улыбающуюся со стены напротив, кап-

ли влаги на оливковой коже, гладкие ноги, с удлинненными изящными ступнями и, на мгновение, передо мной мелькают страшные, неподвижные подошвы раненого... *Почвы, тщательно заправленные органическими удобрениями.* Неужели все это может существовать одновременно? В одно и то же мгновение кто-то рождается, а кто-то умирает, в Венеции начинается фестиваль, а здесь продолжается война, кто-то осторожно, опасаясь замочить ноги, спускается в гондолу, вдыхая тяжелый запах стоячей венецианской воды, а кто-то борется со смертью в кузове грузовика, и морозный воздух Ливана горячит его обескровленное лицо...

«Бибас!», – из «Свадебного зала» доносится зычный голос Дани, ротного старшины. «Сказано же было по-человечески, убрать здесь как следует», – внушительно, с тягучим русским акцентом, говорит Дани. «Только мозгов на полу не хватало, для полного счастья».

Я чувствую непреодолимое желание выйти из бункера – наружу, к снегу, к небу. Прохожу мимо маленького, больше-носого Бибаса, старательно трущего пол, останавливаюсь в узком пространстве между входом и отстоящей от него, метра на полтора, бетонной плитой, защищающей от осколков. Дальше выходить нельзя. Вечереет. Сигаретный дым, смешиваясь с морозным паром, тает в быстро темнеющем воздухе. Косо сыпет снег. Где-то там, на северо-востоке, затерян в снежной дали Арамте. Я думаю об этом месте, которое так недалеко от нас, и которое я, тем не менее, никогда не ви-

дел, и никогда уже не увижу, как не увижу и многие другие места, в которых своим ходом идёт неведомая мне жизнь, живут незнакомые мне люди. Снежинки вспыхивают искрами, попадая в луч прожектора, и исчезают в сгущающейся темноте. Я вдыхаю полной грудью колючий морозный воздух. Мне вспоминаются такие же зимние вечера в детстве, наш двор, Новый год. Настанет время, и, возможно, мне так же вспомнится всё то, что окружает меня теперь. Может это будет в Венеции? Снег, будет мелко виться на фоне старинных палаццо, мне вспомнится Ливан, холод бетонных стен, горячий запах и вкус тостов, плакат Сэнди Бар в закутке с трёхэтажными кроватями – и воспоминание об этом будет далёким и неправдоподобным, и мне не поверится, что всё это когда-то было... Сигарета выкурена, и я возвращаюсь в зал. Бибас старательно моет пол, кипа, держась на заколке, свесилась с его наклонённой головы, и подрагивает, в такт движениям рук. На улице идёт снег.

Голос над Гангом

Асафом я познакомился в непростую минуту. Я ехал в Варанаси с двумя друзьями и уже в поезде нас скрутило... Мы разошлись по разным вагонам, чтоб не мешать друг другу, и проводили мучительные часы, скорчившись в невообразимо грязном тамбуре, всем телом ощущая монотонный перестук колес.

Когда наступали редкие минуты облегчения, я ковылял в свой вагон и пытался прикорнуть, но тут же приходилось вставать и возвращаться в тамбур. Сидячие места у окна прямо напротив моей полки занимала пара высоких стариков-индусов с неприступными лицами, одетых во все белое. На одной из станций они купили мешок фисташек, и лузгали их, бросая скорлупу прямо на пол, не меняя при этом серьезного и строгого выражения лиц под высокими белыми тюрбанами. Каждый раз, проделывая путь к тамбуру и обратно, я чувствовал под ногами податливо хрустящую шелуху.

Вернувшись в очередной раз к своему месту, я обнаружил курносого индийца, сидящего на моей полке. Он весело смотрел на меня, большими выпуклыми глазами. Выяснить, кто он и что здесь делает, у меня не было сил. Сев в угол, я прислонился к стене и закрыл глаза.

– Что, совсем плохо, братец?

Я приоткрыл глаза. Было странно услышать слова, произ-

несенные на иврите улыбающимся индусом...

– А ты неплохо говоришь на иврите, – я не узнал собственный голос – глухой, сдавленный, с твердым русским акцентом, который становился отчетливее в минуты усталости или волнения.

– Да уж получше тебя... Ладно, ты только не умирай мне здесь. Вот, запей это водой, – он протянул мне какие-то таблетки.

– Что это?

– «Я пришел извлечь из твоего тела отравленную стрелу, а ты спрашиваешь меня кто я?». Такова судьба всех, кто стремится бескорыстно помогать! Ладно, удовлетворю твое любопытство: это таблетки от дизентерии, далеко не лишняя вещь в путешествии. Особенно в Индии. А теперь пей. Или ты еще не все узнал?

Я слишком отвратительно себя чувствовал, чтобы удивляться его безошибочному произношению, его иронии и манере изъясняться. Послушно взяв таблетки, скорее, чтобы он отвязался, чем надеясь на облегчение, я запил их водой. Вопреки ожиданию, уже через несколько минут мне стало легче настолько, что я смог уснуть.

Пробуждение было оглушительным. Несколько мгновений я не мог сообразить, что происходит. Впрочем, долго искать источник шума не пришлось, его производили мои невозмутимые соседи. Запас фисташек, по-видимому, истощился, и они решили попеть. Точнее, пел один из них – вы-

соким, пронзительным голосом. Второй задавал ритм чем-то вроде маленького бубна на рукоятке, к которому было привязано два шарика. Вращая рукоятку попеременно вправо и влево, он заставлял шарики бить в бубен. Песня была скорее ритмичной, чем мелодичной, почти речитатив. Старики не обращали на меня никакого внимания, и их лица, вместо обычного надменного равнодушия к окружающему, выражали сильнейшую экзальтацию.

Постепенно раздражение на то, что меня разбудили, сменилось другим, трудноопределимым чувством. Чем-то невообразимо древним и чуждым веяло от этих безумных смуглых лиц под белыми тюрбанами, от горящих глаз, от непонятных слов, произносимых нараспев, под аккомпанемент резких ударов бубна. Этот ритм, и эти слова, и произносивший их голос заключали в себе целый мир, лежащий за пределами моего опыта и, возможно, даже воображения, суровую аскезу, магические формулы вед, неспешный дым жертвенников, затхлый запах Ганга...

Поняв, что заснуть мне не удастся, я слез с полки и отправился искать Лёшу с Мариком. Чувствовал я себя почти хорошо, только от слабости немного кружилась голова.

Своих друзей я обнаружил в следующем вагоне. Марик читал, лежа на животе, на верхней полке. Перед ним дымилась чашечка молочного чая. Леша сидел на краю нижней полки лицом к проходу и с расстановкой и вкусом пел что-

то из «Любэ» двум молодым индийцам, выглядывавшим из соседнего купе. Индийцы бессмысленно улыбались. Похоже, их не столько развлекало Лешино пение, сколько забавлял вид поющего на диковинном языке туриста.

Увидев меня, Леша отвлекся от своих жертв:

– А, брателло! Очухался немного? Мы заходили тебя проведать, но ты спал.

Я сел у окна, напротив Леша с Мариком.

– Да, какой-то индус дал мне таблетки от дизентерии, а то я еще до сих пор не мог бы разогнуться. А вы неплохо выглядите. Что, само прошло, или тоже какая-то добрая душа помогла?

Марик как-то странно посмотрел на меня. Леша рассмеялся:

– Он такой же индус, как и мы с тобой. Это Асаф, израильтянин. Кажется, довольно известная здесь личность. Марик встречал его в Гоа.

– Известная личность? Чем же он известен? Шатается по поездам и раздает таблетки?

– Это твоя благодарность за помощь?

– Я просто пытаюсь выяснить, что это за фрукт.

– Фрукт! – Леша хохотнул. Трещина, ровно посередине обветрившейся нижней губы и отросшая борода, придавали Лешиной улыбке абсолютно ему не свойственный плутоватый вид.

– Марик! Отвлекись уже от своего бульварного чтива.

Просвети нас. Мне тоже интересно. Он меня заинтересовал, этот Асаф.

Марк демонстративно вздохнул, закрыл книжку и с выражением бесконечной усталости посмотрел на нас. Мы с Лешей, не выдержав, рассмеялись. Марик раньше нас приехал в Индию и, по своему обыкновению, успел полностью мимикрировать. Обладая нейтральной средиземноморской внешностью и необычайной восприимчивостью ко всему новому, он, попав в новую среду, очень быстро перенимал манеру поведения, стиль одежды, особенности речи – так, что везде его принимали за своего. Вот и сейчас, полулежа, облокотившись на локоть, на нас смотрел житель Раджастана или долины Кулу. Борода придавала ему какой-то умудренно-умиротворенный вид.

– Не обращай внимания, – ответил я на вопросительный взгляд Марика, – я просто подумал, что и ты легко можешь сойти за индуса. Похоже, этот Асаф не один такой.

– Ну вот, – Марик оживился, – как раз благодаря этому мы с ним и познакомились. Я был тогда в Гоа. Сходил на пару вечеринок – они мне довольно быстро осточертели. Не знаю, как люди закупаются там месяцами. Ну, неважно, надо было посмотреть, что это – я и посмотрел. После этого, взял мотоцикл и поехал по побережью. Один. Хотелось выветрить весь этот тусовочный мусор. Только я, мотоцикл, море и пальмы. В общем, заехал я куда-то, куда, видно, туристы не заезжают, хотя в Гоа не должно быть таких мест по определению.

Ищу где бы остановиться покушать. Долго ищу. В конце концов, заезжаю в какое-то селение, и там, на отшибе нахожу какой-то деревенский трактир. Захожу туда. Внутри темно, запах – хоть святых выноси, сидят несколько удалбанцев и уминают какую-то коричневую кашу, на тарелках из пальмовых листьев. Кушают, ясное дело, руками. Выглядело все это не больно аппетитно, но я сильно проголодался, к тому же в качестве этнографического опыта могло пригодиться. Хозяин – старый пират в черной бандане, похожий на старшего помощника Генри Моргана с какой-нибудь «Черной каракатицы». Подхожу к нему, и говорю, по-английски естественно, чтоб дал мне поесть. В принципе, я привык, что меня везде принимают за своего, но одно дело Россия или Кавказ, а тут, все-таки, Индия. Поэтому, когда этот флибустьер ответил мне по-тарабарски, я малость офигел. Я ему говорю: «Друг, ты ошибся. Я тебя не понимаю. Я турист. Дай мне поесть, вот хоть этого, на листьях». А этот удалбанец только смеется и похлопывает меня по плечу. Думает, что я над ним шучу. Я уже подумывал реквизирировать у них тарелку с бурдой без спроса, вскочить на мотоцикл, и только они меня и видели. Потом в джунглях поел бы, как человек. Но тут один из этих пиратов встает из-за стола, говорит Моргану что-то, от чего тот меняется в лице, а потом обращается ко мне на иврите.

– Кто, Морган?

– Да нет, Асаф! Это он сидел там, в этой пиратской забе-

галовке. Так мы и познакомились. Съездили вместе в Пуну, а спустя несколько дней встретились на Арджуна-бич.

Леша провел ладонью по голове, наголо обритой перед поездкой – теперь он любил ерошить отраставшую густую щетину:

– Ну, и что он делал в этом трактире?

– Набирался впечатлений. Кто-то, приехав в Индию, читает Пелевина и распевает «Дюбэ», а кто-то – надевает местную одежду, изучает язык и ходит по таким местам, куда туристы не заглядывают.

– Туристы заглядывают в те места, которые этого стоят, – веско сказал Леша. – Я, например, не собираюсь тратить свое время на изучение индийского быта.

Я вижу вокруг грязь, нищету и толпы попрошайек. Это как-то не вдохновляет на более тесное знакомство.

– Может, если бы ты дал себе труд познакомиться с этой страной по-настоящему, ты увидел бы в ней что-то ещё, кроме нищеты и грязи, – сухо сказал Марик, берясь за книгу.

– Если бы раньше не загнулся от пищевого отравления, или какой-нибудь заразы! Ты посмотри, мы всего лишь попили воды из кулера, на котором было написано: «питьевая вода». Чем это закончилось! Мне тут все уши прожужжали индийской «духовностью», а по мне, так лучше убирали бы мусор. Чего стоит эта их хваленая культура, если они не могут наладить у себя человеческую жизнь?

Марик яростно захлопнул книгу:

– Знаешь, как-то в Арджуне, на одной из тех тусовок, когда по кругу передают джойнт, зашла речь как раз об этом. Один голландец говорил слово в слово то, что ты. И тогда Асаф...

– Опять Асаф...

– ... сказал, что Индия сознательно пренебрегла материальной стороной жизни. Я запомнил это объяснение, потому что оно меня поразило. Энергия Индии устремлена не вовне, а внутрь. Пока Запад развивал технологии и обживал внешний мир, Индия занималась поисками Бога.

– Выходит, все те нищие и калеки, которых мы видим, сами выбрали свою нищету? – спросил я.

– Эти нищие и калеки, наверняка, думают о том, где бы достать кусок хлеба, а не о духовных поисках. За них все решило. Они свою судьбу не выбирают, как не выбирают американцы, родившиеся в обществе потребления, проводить всю свою жизнь на ярмарке товаров и услуг.

– Этот Асаф интересный человек. Чем он занимается? Кто он такой?

– Вокруг него много разных слухов. Да он и сам любит о себе рассказывать...

– Я это заметил, – вставил Леша.

– В Индии он уже несколько лет. Говорит, что свободно владеет несколькими местными языками, изучал йогу где-то на юге, жил в буддийском монастыре, в Гималаях...

– ... учил психологию в Штатах, участвовал в семинаре по

альтернативной медицине на Сахалине, был офицером спецназа, – вмешался Леша, – все это он успел разболтать мне за полчаса знакомства.

– И ты, конечно, этому не веришь?

– Я просто умею считать, геноссе. Смотри сам: армия – четыре года, раз он был офицером. Так? Вторая степень по психологии – минимум, пять лет, итого девять. Плюс несколько лет, как ты говоришь, в Индии. На вид ему лет двадцать пять-двадцать шесть, вот и посчитай – в каком возрасте он должен был начать свои похождения, чтобы все это успеть.

– Ему тридцать семь, – сказал Марик. – Я видел его паспорт.

Мы с Лешей присвистнули.

– Может, он владеет секретом вечной молодости? – спросил я. – Может это, граф Сен-Жермен, собственной персоной?

– Больше похож на собственной персоной барона Мюнхгаузена. Ты хоть обратил внимание, год рождения был до или после нашей эры?

Марик устало махнул на нас рукой и вернулся к чтению. Леша сказал, что пойдет прогуляться по поезду. Я стал смотреть в окно. Поезд пересекал долину, покрытую бурой, выгоревшей травой, с группками невысоких темно-зеленых деревьев. На горизонте виднелись голубоватые горы. Пейзаж был далек от экзотичности, но это была Индия – та Индия, о которой я мечтал с самого детства, страна тайн и чудес. Я

хотел прикоснуться к этой тайне и чувствовал, что для этого придется найти свой путь, отличный не только от Лешиного снисходительного пренебрежения ко всему индийскому, но и от самозабвенного растворения в нем Марика.

* * *

На следующее утро мы прибыли в Варанаси. Едва ступив на перрон, мы были захлестнуты волной, запахов, шумов и красок, ошеломляющее разнообразие которых оглушает, ослепляет, обволакивает, пока не выбросит отдышаться на шаткую пристань какого-нибудь гест-хауса. Стараясь контролировать сохранность сумок и карманов и пытаюсь не потерять друг друга, мы протиснулись через толпу к выходу, где нас, сразу же, окружил рой оборванцев, требовательно предлагавших всевозможные услуги. Открытое пространство перед вокзалом было запружено мото- и велорикшами. Несколько допотопного вида такси стояло под пальмами. Возле одного из них невысокий индиец энергично махал рукой, пытаюсь привлечь чье-то внимание. Прошло довольно много времени, прежде чем мы поняли, что машет он нам и что это не кто иной, как Асаф.

Убедившись, что его заметили, Асаф сказал что-то стоявшим рядом с ним представительным индийцам, и направился к нам. Глядя, как он свободно и раскованно пробирается сквозь толпу, так не похожий на неловкого туриста, я поду-

мал, что Асаф, по-видимому, принадлежит к тому редкому типу людей, которые везде чувствуют себя в своей тарелке. Его с равным успехом можно было представить и в эскимосском иглу и на приеме у английской королевы; и он, наверное, с той же независимой повадкой, смотря по обстоятельствам, ел бы сырую рыбу, или отпускал изысканные комплименты.

Подойдя к нам, он несколькими отрывистыми фразами на хинди рассеял окружившую нас разношерстную толпу. На ярком свете было видно, что он европеец – глаза, казавшиеся черными в полутьме вагона, оказались серыми, а темнота смуглой от рождения кожи имела, все же, другой оттенок, чем кожа местных жителей. Я думал об этой разнице, мысленно сравнивая Асафа с моими соседями по вагону, как раз сейчас появившимися у выхода. Они остановились в нескольких шагах от нас и переговаривались о чем-то, видимо, советуясь. Я заметил, что рикши, такие настырные по отношению к нам, как будто робеют этих стариков, с их величественно-отрешенным видом.

– Что это ты их так изучаешь? – спросил Леша. – Хоть они и индусы, им может не понравиться, что на них так бесцеремонно пялятся.

– Это те самые факиры, которые вчера устроили мне концерт.

Асаф внимательно посмотрел на них.

– Это брахманы высокой касты, – сказал он. – Наверное,

приехали в Варанаси, чтобы умереть здесь.

– Выглядят они довольно бодро. Жаль, что ты не слышал, как они поют. В них жизни еще лет на двадцать. Хотя, злоупотребление пением в общественных местах может ее существенно сократить.

Асаф улыбнулся:

– Не брюзжи. Считай, что тебе повезло: услышал исполнение религиозных гимнов. А когда я сказал, что они приехали, чтобы умереть, я не имел в виду, что это произойдет уже завтра. Варанаси это особое место, друзья. Индусы считают, что отсюда начался мир. Тот, кто умрет в этом городе, и чей пепел будет развеян над Гангом обретет освобождение от цепи рождений и смертей. Это освобождение – «мукти» – высшая цель каждого правоверного индуса, как рай для христианина. Поэтому многие, состарившись и чувствуя приближение смерти, приезжают сюда.

После этого объяснения, мы по-новому посмотрели на моих вагонных соседей. А они, закончив совещаться, величественным жестом подозвали велорикшу и уселись вдвоем на сиденье под потрепанным тентом. Рикша привстал на педалях, мучительным усилием всего тела сдвинул повозку с места, и направил ее в переплетение тесных улиц, ведущих к Гангу.

Мы попрощались с Асафом, договорившись, что он зайдет за нами вечером в гест-хаус «Shanti», в котором обычно останавливаются израильтяне.

– Ты не пойдешь с нами? – спросил я.

– Я приехал, в общем-то, в университет, на семинар по йоге. Там же и буду жить. До начала семинара у меня есть еще два дня, так что я смогу познакомить вас с городом – здесь очень важно увидеть правильные места в правильное время. А пока могу сказать вам: не доверяйте первому впечатлению. Настоящий Варанаси я покажу вам сегодня вечером и завтра утром.

Напоследок Асаф посоветовал не брать рикшу, а пройтись до «Shanti» пешком. Попрощавшись до вечера, мы вскинули на спину рюкзаки и углубились в клубок темных улочек, стараясь придерживаться указанного нам направления.

Мы шли, как во сне мимо огромных щетинистых свиней, нежащихся в лужах грязи, продавцов бетеля, точильщиков ножей, по улицам, настолько тесным и темным, настолько не вязавшимися с нашими понятиями о городских улицах, что временами казалось, будто они ведут на тот свет, в другое измерение – туда, где весь наш опыт, все наши представления о жизни потеряют свое значение. На одной из таких улиц, нам пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить огромную черную корову с венком ярко-красных цветов на костистой шее. В считанных сантиметрах от моего лица проплыл, покачиваясь, большой налитый кровью глаз, и я почувствовал резкий животный запах, смешанный с пряным ароматом благовоний.

Через полчаса блуждания в этих надмирных закоулках,

мы вышли к чему-то вроде площади, посреди которой стояла круглая афишная тумба, глядящая во все стороны лицами болливудских актеров. По периметру стояли лавочки торговцев фруктами и сладостями. Возле одной из них подросток с заячьей губой не спеша крутил педали прикованного к земле велосипеда, придавая вращение соединенному с ними точильному диску. Вокруг топтались желающие наточить ножи. Внутри квартала, расположенного на противоположной стороне, как нам сказали, находился «Shanti». Вдоль этой стороны тянулась длинная, поросшая травой, канава. Мы пересекли площадь, и пошли вдоль канавы, ища нужный нам переулок, как вдруг в десятке метров от нас зашевелилась трава, и на дорогу бесшумно выползла змея. Она не раздувала капюшон, но по ее размерам было понятно, что это может быть только кобра. Не меньше полутора метров ее толстого, как рука здорового мужчины, грязно-серого тела лежало на дороге, остальная часть была скрыта травой. Она остановилась и, приподнявшись, повернула в нашу сторону свою плоскую голову. Мне казалось, что я физически ощущаю взгляд двух стальных точек, имеющих власть над жизнью и смертью. Помедлив несколько бесконечно долгих мгновений, гадина повернулась, и не спеша уползла в канаву. Мы стояли, ошеломленные этой встречей, а навстречу нам, вдоль канавы катилась шумная стайка ребяташек. Не обращая внимания на наши крики и предостерегающие жесты, они, смеясь, оббежали нас и продолжили свой путь, топча

босыми ногами траву, в которую уползла змея.

– В конце концов, они знают, что делают, – пробормотал Марик. – Наверное, для них так же естественно жить рядом со змеями, как для нас рядом с собаками и кошками».

Вымотанные недавней болезнью и долгой дорогой, но возбужденные всем увиденным, мы, наконец, добрались до «Shanti». Комната, которую мы сняли на троих, показалась нам огромной и мрачной, после тех комнатушек, что мы снимали в Гоа, Хампи и Кхаджурахо. Мы приняли душ и пообедали на террасе, с которой открывался вид на серо-коричневое море крыш и на темную полосу Ганга за ними.

* * *

Вечером, мы сидели на той же террасе, и курили кальян, сопровождавший Асафа во всех путешествиях. Электрического освещения не было, и с заходом солнца город погрузился в первозданную тьму. Только вдоль Ганга, кое-где пылали искорки погребальных костров. Терраса освещалась масляным фонарем, подвешенным в углу, на деревянном шесте. Мы зажгли восковую свечку, и, оплавив конец, прикрепили к столу.

– Интересный у тебя кальян, – сказал Марик, поднеся к свечке затейливо разукрашенную глиняную чашечку. – Никогда такого не видел.

– Я его привез из Ливии, – Асаф, с нарочитым равноду-

шием, раскуривал мундштук.

– Откуда?!

– Да-да, ты правильно услышал.

– Ты что, ездил туда по заданию «Моссада»?

– Я езжу только по собственному желанию, мой мальчик.

– Это же закрытая страна! Тем более для израильтян. Как ты, вообще, попал туда?

– Ногами... Через Египет. Граница между Египтом и Ливией больше тысячи километров. Никто ее, естественно, не охраняет. Ну а я, между прочим, свободно говорю по-арабски, с палестинским выговором. Оделся соответственно, спрятал подальше израильский паспорт, вот и все. Никаких проблем.

Мы растерянно смотрели друг на друга, проверяя взаимную реакцию на услышанное, не зная – то ли сомневаться, то ли довериться этой уверенной естественности тона.

Леша прокашлялся и спросил:

– Чего тебя, вообще, понесло туда?

– Ну, не все же по парижам ездить. Хочется посмотреть мир.

– И есть там что смотреть?

– Пустыня! Самая красивая в мире пустыня... Ау меня, кстати, и фотки должны быть.

Он пощелкал своим фотоаппаратом и передал нам.

С первого взгляда на фотографии было видно, что эти пейзажи не принадлежат ни Негеву, ни Иудее: золотые, блед-

но-желтые, изжелта-белые, в зависимости от освещения, песчаные холмы, чахлые пальмы оазиса, и Асаф в кувшине, со своим неизменным кальяном – то в полутьме какой-то лавки, то в медном свете неправдоподобного заката.

– А это кто такие? – на одной из фотографий Асаф позировал в компании туристов азиатской наружности.

– Это японцы. Я встретил их на следующий день после того, как меня укусила змея.

Мы снова переглянулись.

– Змея была неядовитая?

– Почему же? Ядовитая. Рогатая гадюка – самая ядовитая змея ливийской пустыни.

Неровный свет фонаря плясал на смуглом, курносом лице, угли кальяна вспыхивали и тлели в такт его дыханию – он был похож на плутоватого тролля, колдующего над огнем, в недрах горной пещеры.

– Ну и как же ты... выжил?

Асаф, с великолепной небрежностью выпустил струйку ароматного дыма.

– Я знаю средство от змеиного яда.

Повисло неловкое молчание. Мы старались не встречаться с Асафом глазами. Леша выразительно посмотрел на нас с Мариком. Перехватив его взгляд, Асаф задрал ногу к стоящей на столе свече, закатал штанину своего шарваля, и в колеблющемся свете свечи мы увидели два светлых пятнышка на смуглой лодыжке – следы змеиных зубов.

Спать мы легли довольно поздно, а на рассвете собирались встать и спуститься к реке, чтобы посмотреть, как верующие встречают восход солнца. Асаф лег на террасе в гамаке, который принес с собой. А я все не мог уснуть, мысленно перебирая впечатления прошедшего дня: сутолоку и тесноту темных улочек, широкие каменные ступени, спускающиеся к Гангу, треск погребальных костров, свечи и цветочные лепестки, символизирующие души умерших, пускаемые по воде в маленьких корзинках из пальмовых листьев, под пение религиозных гимнов – сотни огоньков, дрожащих в ночи.

* * *

Асаф разбудил нас затемно. Марик пробормотал, чтоб мы шли без него, и перевернулся на другой бок, но почувствовав запах черного кофе по-бедуински, приготовленного Асафом на газовой горелке, он поднял голову, и ворча, сел на кровати.

Выпив крепчайшего кофе из крохотных чашек, мы вышли в душную темноту, пропитанную запахами сандала и дыма. В предрассветной тьме, в одном направлении с нами, двигались, группами и поодиночке, молчаливые, сосредоточенные люди. А вдоль дороги, длинными рядами сидели нищие: безногие, безрукие, прокаженные – бесчисленные лики человеческого горя и боли; и мы проходили мимо них, уже сжатые густой толпой, проходили, как сквозь круги ада; но вот,

людской поток, стиснутый этими кривыми узкими улочками, выплеснулся на открытое пространство у реки и растекся по нему. Землю устилали растоптанные лепестки лотоса и жасмина. Стараясь не поскользнуться на этом живом, гниющем ковре, мы выбрались из толпы и по шатким деревянным мосткам спустились к воде. Сняв маленькую, скрипящую всеми швами лодку, мы отплыли на несколько десятков метров. Плотный предрассветный воздух был почти одного цвета с водой. Мы плыли, не чувствуя движения, в этой парной густо-серой дымке, в тишине, нарушаемой только поскрипываньем лодки и мерным плеском воды. В светлеющем воздухе все яснее проступали очертания берега: бесчисленные храмы, сливающиеся в одну причудливую стену, гхаты – каменные молитвенные площадки, выступающие над рекой, и толпа людей на узком пространстве между рекой и храмами, застывшая в напряженном ожидании первого луча солнца. Все замерло. Воздух светлел. Солнце неторопливо восходило за нашими спинами. Наконец, по толпе пробежал долгий, протяжный вздох, и, в то же мгновение, все пришло в движение. Река вскипела от бросившихся в нее тел. Тишина и покой ночи мгновенно сменились шумом и сутолокой дня.

Мы вышли на набережную. Солнце поднималось все выше и уже начинало припекать, душный воздух был наполнен густыми, экзотическими для нас, запахами, резкие выкрики торговцев врывались в многоголосый хор молитв и ритуальных песнопений. Дневной Варанаси не был похож ни на ве-

черный, ни на утренний.

– Смотри, вон твои друзья, – Леша показал мне на один из гхатов. Там я увидел своих попугачиков-брахманов, с их музыкальными инструментами. В окружающем шуме не было слышно ни их голосов, ни звуков музыки. На той же площадке примостился отшельник-саддху, в одной набедренной повязке, и его смуглое, покрытое грязью и ритуальной краской тело сотрясалось от неудержимого смеха.

– Что это его так рассмешило? – спросил Леша.

Асаф долго не отвечал, задумчиво глядя на эту поразительную фигуру.

– Постигшие «Майя», Великую Иллюзию, – наконец, сказал он, – смеются над иллюзорностью окружающего мира.

* * *

Следующие несколько дней мы бродили по этому невероятному, сомнамбулическому городу, познавая его, с помощью Асафа. И только Лешино насмешливо-скептическое отношение к индийцам оставалось неизменным.

– Представляю себе, что они здесь учат, – говорил он, когда мы гуляли по Университету.

Университет поразил нас своим несоответствием всему, что мы видели в Варанаси и вообще в Индии: чугунные решетки ограды, тенистые аллеи, столетние вязы напоминали скорее старую добрую Англию. Когда мы собрались уходить,

уже начало темнеть. Мы пошли к выходу по дорожке из щебня, по краям которой росла густая, сочная, абсолютно не индийская трава. Леша скинул сандалии и пошел по траве.

– «Босиком побродить бы по росе», – пропел он. – Эх, вернусь домой, выпью водочки, закушу хлебушком, настоящим, не чапати каким-нибудь, да соленых огурчиков! Ведь у нас как говорят, хлеб он ааа...

В траве что-то с шипящим свистом взвилось и метнулось в сторону, Леша вскрикнул, как-то неловко подпрыгнул и присел. Мы бросились к нему. Леша сидел, согнувшись, пытаясь рассмотреть свою лодыжку, и даже в наступающей темноте, мы видели, как побелело его лицо. На лодыжке сзади под самой икрой выступили капельки крови из двух ранок. Я испытал странное чувство, которое иногда бывает во сне: мне казалось, что все это уже было, и я знаю, чем всё должно закончиться.

– Быстро достань нож, – крикнул мне Марик.

– Спокойно, ребятки, только спокойно, – Асаф наклонился над Лешинной ногой, рассматривая укус, – Только никаких надрезов и высасывания яда. О кей? – Он говорил вполголоса, не поворачивая к нам головы, как будто разговаривая сам с собой. – Давайте, для начала, перенесем его на дорогу, подальше от этой травы.

Леша сказал, что пойдет сам, но ноги у него подгибались, мы с Мариком поддерживали его с двух сторон, и я чувствовал, как обмякли его мышцы. Мы усадили Лешу у обочи-

ны. На его лице обильно выступил пот. Он пытался вытереть его, но руки плохо слушались, так что я не сразу понял, что он хочет сделать. Достав из кармана бандану, я обтер Лешино лицо. Он опустил голову на землю, взгляд стал сонным и бессмысленным. Марик схватил Асафа за руку и зашептал, почти зарычал ему в ухо:

– Я не знаю, что ты собираешься делать, но делай это скорей.

Асаф молча высвободил руку и снял с шеи амулет на красной нитке. Это был небольшой серый камешек формы неправильного овала. Подержав его некоторое время в закрытой ладони, он прошептал что-то, и приложил его к месту укуса. Камень сразу прилип к ноге, как приклеенный.

– Надо дать время камню вытянуть яд, – тихо сказал Асаф.

У Марика дернулось лицо. Я понял, что он хочет сделать и предостерегающе посмотрел на него. Все это время я держал Лешу за руку и теперь почувствовал, как что-то неуволимо изменилось в его состоянии. Ладонь стала теплее и суше, затрудненное дыхание – ровнее.

Через несколько минут признаки улучшения стали явными.

– А что это за камень? – спросил я.

Некоторое время Асаф не отвечал. Он сидел, прикрыв глаза. Было похоже, что у него наступил внезапный упадок сил.

– Это не камень, – наконец сказал он. – Это костяной на-

рост, который находят в нёбе у кобры. У одной из сотен кобр. Он помогает от яда и дает власть над змеями.

Мы с Мариком переглянулись. Марик пожал плечами. Это был какой-то средневековый бред, но нашему другу явно становилось лучше.

Вдруг камешек отпал, как насосавшаяся крови пиявка. Было уже довольно темно. Мы посветили зажигалкой, чтобы осмотреть место укуса. Ранки от змеиных зубов выглядели так, как будто со времени укуса прошло несколько дней.

* * *

– Ну, и что ты думаешь обо всем об этом?

Мы с Мариком сидели на террасе гостиницы. Асаф ушел к себе. Леша спал. Судя по всему, он был здоров, только обес-силен, как будто загадочный камень высосал из него вместе с ядом жизненную энергию.

Я пожал плечами:

– Не знаю. Я верю, что мы слишком мало знаем о мире, в котором живем, чтобы сходу отвергать что-то просто потому, что не в силах объяснить. Но то, что мы увидели сегодня... Амулеты, заклинания – это слишком, даже для меня. Похоже на дешевое шарлатанство. Но факт налицо. Леша выздоровел, и с этим не поспоришь.

Марик помолчал.

– Если действительно было от чего лечить.

Я внимательно посмотрел на него:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты знаешь что такое «холостой укусу»?.. Запас яда у змей восстанавливается медленно, поэтому они не кусают просто так. Они берегут яд и пользуются им для добычи или самообороны. Поэтому бывает, что змея кусает, но не впрыскивает яд, потому что бережет его, или потому что яда просто нет – не успел накопиться.

– Но ведь Леше сразу же стало плохо.

– Ну, про самовнушение я тебе рассказывать не буду – это ты знаешь лучше меня. Мальчик наслышался рассказов о кобрах, потом одна из них его кусает, вот он и «поплыл».

– Но потом сразу же поправился!

– Поверил во всемогущество амулета. Ты же знаешь Лешу, он только на словах такой рационалист. Все время смеялся над Асафом и его рассказами, а сам смотрел ему в рот.

– Но когда к нему приложили этот амулет, он был в почти бессознательном состоянии. Какое тут может быть самовнушение?

Марик устало втянул голову в плечи:

– Не знаю. Знаю только, что это единственно возможное объяснение. А значит оно правильное.

Он загасил окурочок о стол и щелчком выбросил его:

– Пойду-ка я спать. Хватит с меня впечатлений на сегодня.

Я остался один. Душный воздух пах сандалом и дымом.

Индийская ночь раскинула свои крылья над сотнями тысяч трущоб и пятью тысячами храмов, над великим Гангом и вечным городом на его берегу, откуда началась Вселенная и куда она должна будет вернуться, и мне показалось, что из темноты доносится голос безумного саддху, смеющегося над иллюзорностью этого мира.

Двор чудес

Эта женщина ассоциировалась у меня с одуряющей дремотой раннего утра. Я вставал в четыре, чтобы с первым автобусом успеть к началу дежурства – начинали мы очень рано. Вся дорога на работу проходила в каком-то полусне. Я стоял возле водителя, и на каждой остановке поднимался на одну ступеньку, чтобы меня не задела открывавшиеся двери и прижимался к поручням, пропуская внутрь очередных пассажиров, появлявшихся из темноты. Это было время чернорабочих и уборщиц, так же, как и я, начинавших свой день до рассвета.

Каждое утро на одной и той же остановке, в автобус заходила женщина средних лет в красной шляпке, завязанной лентами под подбородком, красной клетчатой юбке и шерстяных красных гольфах. Между юбкой и гольфами оставалась неширокая полоса блеклой кожи. С её появлением, приглушённый многоязычный гул смолкал. В наступившей тишине она проходила внутрь с невозмутимым выражением лица, (мне всегда казалось, что именно так, чуть брезгливо, должна смотреть гувернантка из английского романа), и садилась, всегда на одно и то же место – третье справа, возле окна. Усевшись, она с тем же неподвижным лицом, разворачивала английскую газету, будто отгораживая ею свой уголок от остального мира, и упирала в неё водянистые глаза.

Она была похожа на цветастую канарейку среди ворон и воробьёв. Её яркая несуразная одежда, нарочито невозмутимое выражение остренького личика и то неуловимое в её манере держаться, что лучше всего можно определить словом «английскость» – настолько резко очерчивали её чужеродность и одиночество, что я чувствовал пронзительную жалость к этому странному существу. Заговорить с ней было невыносимо. Между ней и окружающим чувствовалась непроницаемая стена.

Что она делала здесь ранним утром, среди всех этих чернорабочих? Куда и зачем ездила? Что заставляло её вставать каждый день до рассвета, заходить в чужой автобус, садиться, загораживаясь газетой от любопытных взглядов, выходить всегда на одной и той же остановке, немного не доезжая рынка, и исчезать, растворяясь в серой, предутренней мгле. Ад ара?

Я работал охранником автобусов в этом, пожалуй, самом отталкивающем, но и самом интересном районе Хайфы. В течение нескольких месяцев, каждый день по многу часов я бродил по двум прямым, бесконечно длинным центральным улицам этого хайфского «Двора чудес», или по ответвлявшимся от них извилистым и тёмным переулкам. Я всматривался в лица, перебрасываясь с прохожими двумя-тремя фразами, чтобы услышать голос, уловить акцент, увидеть реакцию – и двигаться дальше, к следующему объекту проверки. Каждый день передо мной, как в гигантском паноп-

тикуме, проплывала череда нищих, калек, воров, наркоманов. Жизнь Адара, шумная и причудливая проходила передо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.